

В.

414

В. 4565

~~В. 5444~~

Мил. 2175

17.174

Не выдается
1 экз.

Па 9672

А. СЕМЕНОВЪ.

БУХАРСКИЙ ШЕЙХЪ БАХА-УД-ДИНЪ.

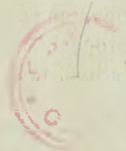
1318-1389.

(Къ его биографіи).

(По персидской рукописи).

(ОТТИСКЪ ИЗЪ СБОРНИКА, ПОСВЯЩЕННАГО А. Н. ВЕСЕЛОВСКОМУ).

1914.

В 5414
0

Янв. 1959 г.

БУХАРСКИЙ ШЕЙХЪ БАХА-УД-ДИНЪ.

1318-1389.

(Къ его біографіи).

По персидской рукописи.

Въ обширномъ пантеонѣ святыхъ Средней Азіи весьма видное мѣсто занимаетъ выдающаяся личность патрона Бухары, шейха Баха-уд-дина (Ходжа-Мухаммедъ-бен-Мухаммедъ-ул-Бохари, шейхъ Баха-уд-динъ Шах-и-Накшбандъ) ¹⁾.

Всюду въ Средней Азіи, а въ Бухарскомъ ханствѣ особенно, онъ считается однимъ изъ величайшихъ святыхъ, верховнымъ руководителемъ мѣстныхъ мусульманъ вообще, чей покровъ незримо простирается надъ ними изъ-за дали вѣковъ. Среди мѣстныхъ правовѣрныхъ суфіевъ онъ считается «имамомъ тарйката, пѣромъ хакиката и образцомъ, достойнымъ подражанія въ знаніи шарі'ата» ²⁾.

Его гробница, находящаяся въ окрестностяхъ столицы ханства ³⁾, привлекаетъ безчисленное множество паломниковъ, и если утвержденіе покойнаго Вамбери ⁴⁾, что трехкратное путешествіе къ ней стоить пилигримства къ далекой Кабѣ, утратило уже, пожалуй, свое значеніе, — тѣмъ не менѣе гробница до сего времени сосредоточиваетъ на себѣ вниманіе самыхъ широкихъ мѣстныхъ мусульманскихъ круговъ, а живущій при этой гробницѣ шейхъ суфійскаго ордена «накшбандіевъ», потомокъ Баха-уд-дина, считается наиболѣе авторитетнымъ и наиболѣе славнымъ среди всѣхъ мѣстныхъ шейховъ прочихъ орденовъ, потому, что, осѣненный немеркнущимъ свѣтомъ славы своего отдаленнаго предка, онъ несетъ на себѣ и полноту благословеній его, какъ его преемникъ.

¹⁾ См. خزينة الاصفیاء («Сокровищница Чистѣйшихъ»), сост. Муфтіи Гулямъ Мухаммедъ-бенъ-Муфти-Рахим-Улла Лагорскій. Каунпуръ. 1312 г. х. (=1894) Томъ I, стр. 548, см. также Brockelmann, Gesch. d. arab. Litter., II. стр. 205.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Интересное описаніе ея см. въ «Описаніи Бухарскаго ханства, состав. Н. Ханьковымъ, С.-П.Б. 1843», стр. 94-96. — Изъ позднѣйшихъ описаній мазара шейха заслуживаетъ вниманія обстоятельный очеркъ Н. Ситняковскаго «Бухарскія святыни (Мазаръ Баха-уд-дина)», помѣщенный въ Протоколахъ за сѣданій и сообщеній членовъ Туркестанскаго Кружка любителей археологій за 1899-1900 гг. Ташкентъ, 1900; стр. 49-56 (Съ планомъ).

⁴⁾ Въ его «Исторіи Бухары или Трансоксаніи, перев. А. Павловскаго, С.-П.Б. 1873», т. I, стр. 235.

И бухарскіе эмиры до нынѣ считаютъ для себя священнымъ долгомъ по вступленіи своемъ на престолъ совершить паломничество (зіôратъ) къ священной гробницѣ Баха-уд-дина и, помолясь предъ нею, испросить благословеніе (баракатъ) шейха нашікбендіевъ, хранителя гробницы.

Шейхъ Баха-уд-динъ родился въ мѣсяцъ мухарремъ 718 г. хиджры (=1318 по Р. Х.), за три года до смерти знаменитаго шейха 'Азизана ¹⁾, въ селеніи, до того носившемъ имя Каср-и-Гиндуанъ (въ одномъ фарсангѣ ²⁾ отъ гор. Бухары) и тамъ же погребенъ въ погребѣ 3-го рабъ-ул-эввеля 791 г. хиджры (=1389), проживъ на свѣтѣ такимъ образомъ 73 лунныхъ года. ³⁾

Его рожденіе, по преданію, предвидѣлъ извѣстный шейхъ Ходжа-Мухаммедъ-Баба-Семасі, ⁴⁾ который, часто посѣщая селеніе Каср-и-Гиндуанъ, предсказалъ, что здѣсь родится пѣкто, который будетъ великимъ въ тарйкатѣ и чрезъ котораго селеніе Каср-и-Гиндуанъ получитъ названіе Каср-и-'Арифанъ ⁵⁾. Когда Баха-уд-динъ родился, шейхъ Семаси нарекъ его своимъ духовнымъ сыномъ, а умирая, завѣщая своему ближайшему ученику и преемнику, Сейидъ-Мір-Кулялю, беречь Баха-уд-дина. Согрѣтый чудодѣйственною любовью Баба-Семасі, Баха-

¹⁾ Это—л я к а б, или прозвище шейха Ходжа-Али-Рамитани, происходившаго изъ Рамитана, «большаго города въ двухъ фарсанахъ отъ Бухары» خزينة الاصفاء г. I, стр. 543-545).

²⁾ Фарсангъ бухарскій (по мѣстному: «сангъ» или «танъ», т.-е. камень, знакъ) равняется восьми съ половиною верстамъ; такое же, приблизительно, разстояніе считается отъ столицы ханства до «Баха-уд-дина», какъ для простоты называютъ гробницу шейха и окружающія ея постройки, съ примыкающимъ сюда кишлакомъ.

³⁾ См. رشحات غین الحیات («Капли ручья жизни»), сост. 'Али-бен-Хусейн-ул-Валз-ул-Каппифъ, извѣстный подъ именемъ «Сафи». Лукновъ. 1323-1905 г., стр. 53 и 57, а равно—принадлежащая мнѣ позднѣйшая рукопись того же труда, сдѣланная ташкентскимъ суфіемъ Мулла-Мирза-Баба-Джан-Баемъ въ 1300-1882 г. хиджры, листы 32-34.

Мухарремъ 718 г. хиджры начался 5 марта и окончился 3 апрѣля 1318 года по Р. Х., а 3-е раби-ул-эввеля 791 г. хиджры приходилось на 2 марта 1389 г. по Р. Х. (По табл. Вюстенфельда—Vergleichungs Tabellen der Muhammedanischen und Christlichen Zeitrechnung». Leipzig. 1903).

⁴⁾ Одинъ изъ вѣнбогѣ славныхъ учениковъ шейха 'Азизана, уроженецъ селенія Семасъ, принадлежащаго къ Рамитанскому округу, скончался въ 755-1354 г. خزينة الاصفاء г. I, стр. 545-546).

⁵⁾ «Каср-и-Гиндуанъ» значитъ «Замокъ индусовъ», а «Каср-и-'Арифанъ» означаетъ «Замокъ познавшихъ божественную истину». О селеніяхъ въ Средней Азійи съ именемъ «Гиндуанъ» см. замѣчаніе В. Л. Вяткина въ его «Матер. къ историч. географ. Самарк. вилайета», стр. 45-46 («Справочн. книжка Самаркандской области за 1902 годъ. Самаркандъ. 1902 г.»).

уд-динъ уже въ раннемъ дѣтствѣ творилъ чудеса, которыя ставили втупикъ его окружающихъ. Росъ онъ и воспитывался, повидимому, подъ ближайшимъ руководствомъ своего дѣда, друга шейха Баба-Семаси, потому что въ разсказахъ какъ самого Баха-уд-дина, такъ и его современниковъ ему удѣляется особенное вниманіе, между тѣмъ какъ отецъ упоминается рѣдко ¹⁾. Подъ вліяніемъ наставленій духовнаго отца своего, Ходжи Баба-Семаси, и дѣда, большого друга дервишей, у Баха-уд-дина съ ранняго дѣтства сталъ слагаться тотъ мистически-настроенный характеръ, который впоследствии привелъ его на путь высокихъ подвиговъ созерцательной жизни.

Женившись на семнадцатомъ году, Баха-уд-динъ не долго пользовался сладостями семейнаго очага, ибо вскорѣ по смерти своего духовнаго отца и наставника, шейха Баба-Семаси, дѣдъ взялъ его въ Самаркандъ и тамъ водилъ по всѣмъ почти мало-мальски выдающимся дервишамъ, заставляя внука поучаться у нихъ духовной жизни. А когда оба они вернулись къ себѣ домой, дѣдъ «покончилъ съ отношеніемъ Баха-уд-дина къ его женѣ» ²⁾. Въ это время рвеніе на пути тариката у Баха-уд-дина усиливается подъ вліяніемъ того, что къ нему

¹⁾ Это и нижеслѣдующее излагается по принадлежащей мнѣ старой рукописи (безъ даты), писанной хорошими средне-азиатскимъ та'ликомъ типа «молла» *انیس العابدین وعدة السالکین فی مناقب الخواجه بهاء الدین* («Другъ рабовъ Божіихъ и записи провизій путниковъ [идущихъ путемъ тариката] въ отношеніи добродѣтелей Ходжи Баха-уд-дина»). Авторъ этого сочиненія—Салах-ибн-и-Мубарак-ул-Бохари. Объ этомъ, очевидно, трудъ упоминаетъ Хаджи-Хальфа въ своемъ *كشف الظنون* (Констант. изд., 1310 г. х., т. I, стр. 169; повидимому, рукопись этого сочиненія имѣлась въ библиотекѣ извѣстнаго Типпу-Султана, см. Ч. Стюартъ въ его «A descriptive Catalogue of the oriental Library of the late Tippoo Sultan of Mysore». (Cambridge. 1809; p. 28, № LXXXVIII). Раздѣляясь на четыре части (б-см), сочиненіе излагаетъ жизнь шейха въ формѣ разсказовъ какъ его самого, такъ, главнымъ образомъ, и его ближайшаго и наиболѣе славнаго ученика 'шейха 'Алâ-уд-динъ 'Аттара. Ученикъ послѣдняго, упомянутый Салах-ибн-и-Мубарак-ул-Бохари, написалъ трудъ не только со словъ лицъ, знавшихъ Баха-уд-дина (напр., шейха 'Аттара), но и по личнымъ воспоминаніямъ: въ 785 г. хиджры (1383-1384 г. по Р. Х.) авторъ, чрезъ посредство своего наставника, Алâ-уд-дина, былъ представленъ шейху; значить, въ теченіе почти шести лѣтъ зналъ его лично. На основаніи этого труда было составлено впоследствии другое сочиненіе *مقامات حضرت خواجه نقشبند* («Подвиги его святѣйшества Ходжи Накшбенда») Абуз-Мухсин-Мухаммед-Бақыромъ, сыномъ Мухаммед-'Али. Списки этого сочиненія изрѣдка встрѣчаются въ Средней Азійи и, кромѣ того, оно было отлично издано (въ литографіи), въ Бухарѣ въ 1328-1910 г. Помимо литографированнаго изданія «Макаматъ» я пользовался также и хорошою позднѣйшею рукописью, писанною въ зул-кадѣ 1247 г. х. (въ апрѣлѣ 1832 г.), любезно взятою для меня П. П. Остроумовымъ въ Ташкентѣ у Сейид-Расуля Сейид-'Азизова.

²⁾ См. листы: 10—13 ркп. *انیس العابدین* и 9—11 ркп. *مقامات* и литогр. стр. 3—7.

попадаетъ одна изъ реликвій знаменитаго шейха 'Азйзана, его «куляхъ», или дервишеская шапка ¹⁾. Въ то же время мѣсто его духовнаго руководителя и ближайшаго наставника заступаетъ любимый ученикъ покойнаго Ходжи Баба-Семасй, Сейид-Мйр-Куляль ²⁾, которому Баба-Семасй еще при жизни завѣщалъ заботиться о Баха-уд-динѣ.

Одновременно съ суфійскими подвигами Баха-уд-динъ занимается и чисто житейскимъ дѣломъ: вмѣстѣ съ своимъ отцомъ Баха-уд-динъ ткалъ роскошную шелковую цвѣтную ткань «камхъ» ³⁾ и рѣзалъ по металлу разные узоры ⁴⁾.

Однажды Баха-уд-дину приснилось, что одинъ изъ славнѣйшихъ турецкихъ шейховъ, Хакйм-Атй ⁵⁾, поручаетъ его нѣкому дервишу. Когда Баха-уд-динъ пробудился, дервишъ такъ отчетливо запечатлѣлся въ его памяти, словно онъ живой стоялъ передъ нимъ. Когда Баха-уд-динъ разсказалъ сонъ дѣду, послѣдній истолковалъ его въ томъ смыслѣ, что Баха-уд-динъ получитъ счастье отъ турецкихъ шейховъ. И Баха-уд-динъ рѣшилъ разыскать дервиша, что ему чрезъ нѣкоторое время и удалось. Дервиша этого, происходившаго изъ средне-азиатскихъ турокъ,

¹⁾ Подобнаго рода реликвій въ Средней Азій и нынѣ высоко почитаются; въ житейскомъ обиходѣ на нихъ смотрятъ какъ на святыни, исцѣляющія тѣ или иныя недуги. Между прочимъ, въ Ташкентѣ, у владѣльца упомянутой рукописи **مقامات** Сейид-Расуля, прямого потомка извѣстнаго ташкентскаго шейха, Хавенд-Тухура (жившаго въ VII-VIII вѣкѣх.), хранится «куляхъ» послѣдняго, — шапка на ватѣ со стеганными бортами въ формѣ положенныхъ другъ на друга жгутовъ чалмы, верхъ ея оканчивается остроконечною тульею. Эта реликвія, имѣющая видъ большой старины, пользуется необычайнымъ почтеніемъ туземцевъ, какъ обладающая чудодѣйственною силою.

²⁾ Онъ былъ однимъ изъ достойнѣйшихъ учениковъ Ходжи Мухаммед-Баба-Семасй; родился и погребенъ въ селеніи Сугаръ. По профессіи онъ былъ дѣлательемъ глиняныхъ кувшиновъ и чашекъ, былъ, — какъ говорятъ бухарцы, — «куляль» (см. **رشحات** стр. 42-43 и ркп. листы 25-26). Слово «куляль» въ смыслѣ горшечника употребляется и нынѣ въ Средней Азій.

³⁾ Камхъ или камхъб (по-бухарски «камхъ», по-ташкентски «кимхъб») — то же, что китайское «камфъ» — плотная и довольно толстая шелковая ткань съ разноцвѣтными узорами особенно тщательной выдѣлки; изъ нея шились самыя богатая одежды. Теперь извѣстна въ Средней Азій лишь по воспоминавіямъ да по уцѣлѣвшимъ образчикамъ, ибо уже нѣсколько десятковъ лѣтъ какъ никѣмъ не вырабатывается.

⁴⁾ См. **مقامات** ркп. л. 12 б и литогр. стр. 7. Отсюда и прозваніе нашего шейха «накшбендъ» — рѣзчикъ. Въ настоящее время это слово очень мало употребительно въ Средней Азій, гдѣ рѣзчиковъ по металлу (нынѣ исключительно по мѣди) называютъ «мисгаръ» или «мисгаръ» (смотря по говору), т. е. мѣдшникъ вообще.

⁵⁾ Одинъ изъ четырехъ учениковъ знаменитаго Ходжи Ахмеда Ясавіискаго, — его имя было Сулейманъ, онъ былъ родомъ изъ Хивы и похороненъ тамъ же въ Акъ-Курганѣ (**رشحات** стр. 10 и ркп. л. 6).

звали Халиль; онъ произвелъ такое сильное впечатлѣніе на Баха-уд-дина, что послѣдній оставался при немъ нѣкоторое время.

Черезъ шесть лѣтъ послѣ этого дервишъ сдѣлался государемъ Средне-Азіатскаго Зарѣчья подъ именемъ Султана Халила или Казан-Султана. Баха-уд-динъ пользовался его большимъ расположеніемъ, изучивъ, по его словамъ, придворное обхожденіе и сдѣлавшись свидѣтелемъ многихъ событій въ жизни этого султана; въ его служебныя обязанности входило также и непосредственное исполненіе смертныхъ приговоровъ надъ разными лицами, присуждаемыми султаномъ къ казни ¹⁾. Однажды, выступая въ роли палача, Баха-уд-динъ посадилъ присужденнаго къ казни человека на колѣни и, сотворивъ молитву, хотѣлъ отрубить ему голову, но сколько ни ударялъ мечомъ по шеѣ—никакого вреда не могъ ему причинить. Замѣтивъ, что въ то время, когда онъ рубитъ казнимаго по шеѣ, тотъ что-то шепчетъ, Баха-уд-динъ воскликнулъ: «Заклинаю тебя Богомъ, во власти котораго находятся души всѣхъ, скажи мнѣ, что ты хочешь?» «Ничего я не желаю, отвѣчалъ казнимый, но у меня есть шейхъ-наставникъ, къ заступничеству котораго я и взываю въ настоящую минуту».

Этимъ могущественнымъ шейхомъ, останавливавшимъ губительную силу меча,—какъ выяснилось изъ дальнѣйшаго разговора между палачемъ и его жертвою,—оказался Сейид-Мир-Куляль, шейхъ Баха-уд-дина. Въ этотъ моментъ Баха-уд-динъ еще болѣе позналъ всю святость своего наставника и понималъ великое значеніе пира-руководителя въ жизни каждаго его ученика («мюрида»): если пиръ столь чудесно охраняетъ послѣдняго отъ удара меча въ этой жизни, можно надѣяться, что онъ сохранитъ его и отъ адскаго огня.

Наряду съ обязанностями палача Баха-уд-динъ не переставалъ за-

¹⁾ Это обстоятельство, съ нашей точки зрѣнія позорное и совершенно идущее въ разрѣзъ съ высокими идеями искательства Бога и подвижничества, отнюдь не является чѣмъ-либо необычнымъ на Востокѣ вообще и въ Средней Азій въ частности. До сего времени, напримѣръ, въ Бухарѣ и Хивѣ государственная служба неотдѣлима отъ службы эмиру или хану, и первѣйшій сановникъ страны, въ родѣ кушъ-беги, можетъ явиться и въ роли конюха, осѣдывающаго лошадь своего повелителя, или лакея, подающаго платье послѣднему, потому что и занятіе государственными дѣлами, и прислуживаніе хану есть «хизматъ», служба; верѣдко какой-либо важный сановникъ, выступающій въ роли посланника въ другой странѣ,—дома у себя вырѣзываетъ для своего государя изъ твердой земли гкудукъ (по-узбекски) въ видѣ лошадокъ, кошекъ, овецъ и проч., столь необходимые при отправленіи естественныхъ надобностей каждаго мусульманина. Все это «кѳр-и-пѳдшѳх-дэ: вай хукм-митяд!» (т.-е. «государево дѣло: онъ приказываетъ!»).

ниматься и суфійскими подвигами. Когда же совершился неожиданный и трагическій конецъ царствованія Султана Халила и когда Баха-уд-динъ, по его словамъ, «въ одно мгновеніе увидѣлъ всѣ дѣла и бремена его царствованія развѣянными и разсѣянными какъ пепелъ,—его сердце стало холоднымъ и нечувствительнымъ ко всѣмъ благамъ этого міра; для него стало ясно, что о величіи и пышности царей нельзя судить по ихъ внѣшнимъ проявленіямъ, но необходимо твердо помнить, что на земныхъ царяхъ могущественный Царь царей проявляетъ свое величіе во всѣхъ смыслахъ» ¹⁾).

Лишившись своего царственного покровителя, онъ пришелъ въ Бухару и поселился вблизи города, въ селеніи Рійвартунъ ²⁾, уйдя всецѣло въ созерцательную жизнь подвижника, но въ то же время не чуждаясь людей и исполняя всѣ положенные намазы вмѣстѣ съ жителями Рійвартуна въ сельской мечети ³⁾.

По ночамъ, находясь въ мистическомъ настроеніи, Баха-уд-динъ бродилъ по кладбищамъ, которыхъ такъ много въ окрестностяхъ Бухары, посѣщая мазары, гдѣ любилъ предаваться богомыслию. Однажды, какъ онъ самъ потомъ рассказывалъ, находясь въ состояніи изступленія и приближенія къ Богу, онъ въ одну изъ такихъ ночей въ одномъ изъ мазаровъ «былъ восхищенъ» и сподобился чудеснаго видѣнія. Ему явились отшедшіе въ вѣчность суфійскіе шейхи, окружавшіе престолъ, на которомъ возсѣдалъ въ славѣ и блескѣ Абд-ул-Халыкъ Гидждуванскій ⁴⁾);

¹⁾ См. **اخييس العابدین** листы 13-14 и **مقامات** литогр. стр. 8-10, ркп. листы 14, слѣд.

²⁾ Название этого селенія въ литографіи **مقامات** написано со всѣми надстрочными и подстрочными знаками, почему здѣсь и дается такое произношеніе. Селеніе Рійвартунъ, по ркп. **مقامات**, лежало на сѣверо-востокъ отъ Бухары, въ десяти куръх'ахъ или куръох'ахъ (**كروه** = $\frac{1}{3}$ фарсанга. См. **برهان قاطع**).

³⁾ **اخييس العابدین** листъ 15, **مقامات** литогр. стр. 10 и ркп. листъ 14.

⁴⁾ Гидждуванъ (такъ именно теперь и произносится)—большой кишлакъ, находящійся въ Бухарскомъ ханствѣ и лежащій верстахъ въ 7 отъ станціи «Кызыл-Тепе» Средне-Азіатской желѣзной дороги; весьма значительный хлопковый центръ и большой базаръ.

Ходжа 'Абд-ул-Халыкъ Гидждуванскій былъ однимъ изъ столповъ средне-азіатскаго суфизма, принадлежа къ ордену «накшбендіевъ». Онъ былъ однимъ изъ четырехъ учениковъ знаменитаго суфія и ученаго Ходжи Абу-Л'куб-Юсуфа Гамаданскаго [440/1048—535/1140 г.]; родился и скончался [575/1179—1180 г.] въ Гидждуванѣ. По преданію дервишской накшбендіевъ, таинственный пророкъ Хызръ былъ собесѣдникомъ его отца, имама 'Абд-ул-Джемиля, и предсказалъ послѣднему рожденіе сына. Когда 'Абд-ул-Халыкъ родился, Хызръ сдѣлалъ его своимъ духовнымъ сыномъ и научилъ его впоследствии тайному зикру (См. **رشحات** литогр. стр. 18-27 и ркп. листы: 10-16 и **خزينة الاصغیاء**, т. I, стр. 532-534).

онъ преподавалъ Бахъ-уд-дину «начало, середину и конецъ суфійскаго подвижничества». Послѣ чего всѣ шейхи, въ знакъ того, что все привидѣвшееся дѣйствительно, объявили Бахъ-уд-дину, что съ нимъ будетъ завтра, и приказали ему идти въ Несефъ (теперешній Карши) къ Сейид-Мир-Кулялю. Событія слѣдующаго дня показали справедливость словъ явившихся Бахъ-уд-дину шейховъ. Исполняя ихъ приказаніе, Бахъ-уд-динъ не замедлилъ посѣтить въ Несефѣ своего пира, Сейид-Мир-Куляля, и послѣдній, оказавъ ему всяческое вниманіе и ласки, научилъ его «тайному зикру» ¹⁾, т.-е. достиженію экстаза, въ цѣляхъ соединенія съ божествомъ, не путемъ видимаго экзальтированія себя въ родѣ громогласнаго и многочисленнаго произнесенія стиховъ изъ Корана въ связи съ ритмическими тѣлодвиженіями, а посредствомъ самоуглубленія въ себя и безмолвнаго размысленія о присутствіи Бога въ себѣ.

Съ тѣхъ поръ Бахъ-уд-динъ сталъ дѣлать зикръ тайно или молча, отсюда его послѣдователи получили въ Средней Азіи названіе «хуфія», т.-е. погружающіеся въ экстазъ путемъ тайнаго, молча произносимаго, призыванія Бога ²⁾.

¹⁾ См. *ايسيس العابدین* листы 15-6 19-а и *مقامات* литогр. стр. 10-14 и ркл. л. 15-18.

Это видѣніе Бахъ-уд-дину прежде жившихъ шейховъ, изобилующее интересными подробностями мистической экзальтаціи, въ нѣсколько сокращенномъ изложеніи приведено и у Джами въ его *نفحات الانس من حضرت القدس* («Дыханія тѣсной дружбы съ вершиной святости»). (См. калькутское изданіе этого труда подъ редакціей N. Lees. 1858 г., стр. 439-441).

²⁾ Въ этомъ, собственно, и состоитъ едва ли не главнѣйшее значеніе Бахъ-уд-дина въ жизни средне-азіатскихъ мистиковъ: явившись реформаторомъ и организаторомъ мѣстнаго суфизма, онъ указалъ, если и не новый путь къ достиженію или познанію Бога, то, во всякомъ случаѣ, возвелъ тайный зикръ въ число основныхъ положеній суфизма. Едва ли не вслѣдствіе этого обстоятельства многіе почитаютъ Бахъ-уд-дина основателемъ суфійскаго ордена «накшбандія», хотя, собственно, мѣстныя шейхи этихъ суфиевъ таковымъ считаютъ современника Пророка, Сальмана Фарса (который, добавимъ, играетъ большую роль и въ вѣрованіяхъ другихъ мѣстныхъ сектантовъ, памирскихъ исмаилитовъ). Это, впрочемъ, подтверждается и письменными источниками, напр. вышеупомянутой *خزينة الاصفیاء* т. I, стр. 516-518.

Что касается самой сущности тайнаго зикра дервишей-накшбендіевъ, то всѣ подробности, какъ именно нужно его дѣлать, содержатся въ особомъ трактатѣ («рисоля», по мѣстному), пазываемому *اربع اتار* («Четыре рѣки») и составленному Шах-Ахмед-Сейид Муджаддадіемъ. Помимо рѣдкихъ рукописныхъ списковъ этотъ трактатъ имѣется и въ печатномъ видѣ (въ 1284-1867 г. былъ отлитографированъ въ Дэлѣ въ типографіи одного суфія-накшбендія, вмѣстѣ съ другимъ трактатомъ накшбендіевъ *ایضاح الطريقة* («Разъясненіе тариката»)).

Проживая потомъ то въ Бухарѣ, то въ родной деревнѣ, Баха-уд-динъ не переставалъ усердно заниматься подвижничествомъ, стремясь приблизиться къ Богу. При чемъ, немало онъ и путешествовалъ, посѣщая то священные города Аравіи, то большинство знаменитыхъ тогда городовъ Ирана и Средней Азіи, напримѣръ: Нипапуръ, Серахсъ, Герать, Карши и проч.; вездѣ онъ встрѣчалъ большое къ себѣ вниманіе благодаря своимъ высокимъ качествамъ совершеннаго суфія, вездѣ онъ старался еще болѣе совершенствоваться въ стадіяхъ духовной жизни, бесѣдуя съ мѣстными шейхами-суфіями. Молва о немъ шла далеко, и люди разныхъ общественныхъ положеній стремились послушать его бесѣдъ и стать его учениками. Отвѣты нашего шейха, давашіеся на обращаемые къ нему вопросы, отличались большою глубиною мысли и тонкимъ пониманіемъ высокихъ идеаловъ подвижничества и отреченія отъ этого міра.

Будучи въ Серахсѣ, Баха-уд-динъ посѣтилъ, по приглашенію намѣстника, Герать. Приглашенный къ столу намѣстника, за которымъ собрался весь цвѣтъ ученыхъ людей и сановниковъ Герата, Баха-уд-динъ не сталъ ничего ѣсть. Когда его спросили, что это значитъ, онъ отвѣчалъ, что, собственно, ему не мѣсто за этимъ пышнымъ столомъ: онъ — приверженецъ простонародья и дервишъ. Что же подумаетъ о немъ народъ, когда узнаетъ, что кушаетъ Баха-уд-динъ? Послѣ обѣда намѣстникъ Герата спросилъ Баха-уд-дина, есть ли въ исповѣдуемомъ имъ ученіи явный зикръ, пѣніе и отшельничество?

— Нѣтъ, отвѣчалъ нашъ шейхъ, у насъ этого нѣтъ, что же касается въ частности нашего отшельничества, оно у насъ проходитъ въ повседневномъ общеніи съ людьми, т.-е. наружно мы пребываемъ среди толпы, а сердцемъ должны быть всегда съ Предвѣчною Истиною¹⁾.

Въ другомъ случаѣ онъ выразился такъ о цѣляхъ своего служенія Богу.

— Нашъ путь къ Нему — взаимное общеніе (но не отшельничество), въ отшельничествѣ же — слава, а въ славѣ — погибель.

Добрыя же дѣла обнаруживаются только въ собраніи людей, общество же людей заключается во взаимномъ содружествѣ, основанномъ на условіи не дѣлать другъ другу того, что воспрещено. И если общество людей изъ тѣхъ, что идутъ къ Богу нашимъ путемъ, имѣетъ по-

¹⁾ См. *انجيس العاجدين* л. 36. Среди современныхъ накшбендіевъ Средней Азіи можно встрѣтить людей, принадлежавшихъ къ самымъ разнообразнымъ профессіямъ и классамъ общества, которые въ повседневной жизни приносятъ дань всѣмъ ея разнообразнымъ проявленіямъ, и лишь случайно, изъ разговора, или присутствію на зикрахъ, узнаешь ихъ принадлежность къ названному ордену.

добное единеніе — въ томъ его благополучіе и счастье, и можно надѣяться, что достигшая высокаго совершенства истинная вѣра будетъ постоянно находиться въ средѣ такой общины ¹⁾.

Спасая свою душу въ міру, Баха-уд-динъ свято соблюдалъ за-вѣты нестяжательности и полного «опрощенія»: у него, не было ни дома, ни земельной собственности. Если случалось ему жить гдѣ-либо, онъ нанималъ помѣщеніе какъ всякій пришелецъ. Зимой постелью служили ему сухіе листья, а лѣтомъ — старая циновка; изъ посуды у него былъ лишь разбитый глиняный кувшинъ. Не было у него ни слугъ, ни невольниковъ или невольницъ. И когда объ этомъ однажды спросили Баха-уд-дина, онъ отвѣчалъ: «рабство не достойно старчества» ²⁾.

Путешествуя въ Аравію, съ цѣлью паломничества, Баха-уд-динъ проходилъ черезъ Хорасанъ и научилъ тамъ одного изъ именитыхъ людей зикру. На обратномъ пути ему сказали, что этотъ человѣкъ мало занимается преподаваемъ ему зикромъ. Шейхъ отвѣтилъ, что бѣды въ томъ нѣтъ, и спросилъ поваго своего мюрида, видѣлъ ли онъ его, Баха-уд-дина, когда-либо во снѣ? Тотъ отвѣтилъ утвердительно.

— Довольно и этого, сказалъ нашъ шейхъ, ибо достаточно кому-либо имѣть хотя бы самую ничтожную связь съ суфіями, чтобы надѣяться на то, что въ концѣ-концовъ онъ воссоединится съ ними ³⁾.

— «Блаженный шейхъ Азизанъ, сказалъ однажды Баха-уд-динъ, говорилъ, что земля въ глазахъ суфіевъ подобна скатерти, а мы говоримъ, что она не больше, какъ поверхность ногтя, и ничто на ней не скрыто отъ глазъ суфіевъ».

Однажды отъ Баха-уд-дина требовали какого-нибудь чуда.

— «Мои чудеса — на глазахъ у всѣхъ: обремененный столькими грѣхами, я тѣмъ не менѣе могу еще ходить по землѣ».

Несмотря на подобную скромность шейха, его современники свѣдѣтельствуютъ о многихъ чудесахъ, дара творить которыя онъ удостоился еще при жизни. Такъ, напримѣръ, со словъ одного дервиша передается, что однажды городъ Карши испытывалъ страшную засуху: всѣ посѣвы и травы стали выгорать, людямъ и животнымъ угрожала голодъ. Каршинцы, памятуя частыя посѣщенія своего города Баха-уд-диномъ, послали за нимъ въ Бухару одного дервиша, чтобы шейхъ

1) См. вышеназв. изданіе *نفحات الانس*, стр. 443-444.

2) См. *مقامات* ркл., л. 10 и литогр., стр. 37-38.

3) См. вышеназванное изданіе *نفحات الانس* стр. 443.

помогъ имъ избавиться отъ грозящаго бѣдствія. Какъ только дервишъ предсталъ предъ Баха-уд-диномъ, тотъ спросилъ его:

— Каршинцы послали тебя ко мнѣ изъ-за безводья. Хорошо, я пошлю вамъ отсюда воды. Подожди немного!

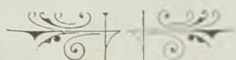
Прошло нѣсколько времени, собрались тучи и полилъ дождь, усиливавшійся съ каждымъ часомъ. На другой день дервишъ получилъ разрѣшеніе вернуться въ Карши, а дождь непрерывно лилъ трое сутокъ, пока дервишъ не дошелъ до Карши; благодаря этому, вся область Каршей была обильно полита ¹⁾.

Чувствуя приближеніе къ конечному предѣлу, Баха-уд-динъ говорилъ:

— «Когда наступитъ смертный часъ, я научу дервишей, какъ умирать. Я всегда ждалъ смерти, когда она придетъ».

Опасно заболѣвъ и предчувствуя свой конецъ, Баха-уд-динъ отправился въ одинъ изъ Бухарскихъ караванъ-сараевъ и занялъ тамъ комнату, въ которой и слегъ. Его многочисленные ученики почти безотлучно находились при немъ, и каждому онъ говорилъ какое-нибудь слово утѣшенія или ободренія. Во время кончины онъ протянулъ руки для молитвы и долгое время оставался въ такомъ положеніи, пока не испустилъ духъ. Это произошло 3-го раби'-ул-эввеля 791 г. хиджры ²⁾.

А. Семеновъ.

¹⁾ См. *انيس العابدین* листы: 58, 65, 117 и 118.

²⁾ См. ркп. *مقامات*, листы 184-185. — Такая дата смерти нашего шейха также нѣбется и у 'Али-бен-Хусейн-ул-Ва'из-ул-Кашифи, и у Джăми, и у Хондемира въ его *حبيب السیر* (3-ья ч. 3-го тома, стр. 176 по тегеранск. изд. 1271 г. хиджры) и въ *سفينة الاولياء* («Корабль Святыхъ»), составл. Мухаммед-Дара-Шинъу'омъ (братъ «великаго могола» Ауранг-Зеба). Кашноръ, 1884, стр. 79. Въ *مفتاح التواريخ* («Ключъ исторій»), составл. и издан. въ Индіи въ 1264/1848 г. (Тукновъ, стр. 104) и у Beale'я, въ его «An Oriental Biographical Dictionary» (New ed. rev. and enlar. by H. G. Keene. Lond. 1894; p. 96)—кончина Баха-уд-дина показана 2-го раби'-ул-эввеля, тоже у Broskelman, II, стр. 205.